

* * *

Строчкой леса заштопанный край,
вдали от людей
живешь, подуваешь в дуду,
вызываешь созвучья,
ты сам же вода,
но притягиваешься к воде,
как будто тебя обуздало веление щучье.

Выходишь к реке,
от промоин — журчанье и хруст,
срывается снег с камышей,
тебе кажется — чайка,
и в клюве ее золотистый прикушен подуст,
густая вода закачалась, как кресло-качалка.

Вот так и живешь,
ради качки и взмаха крыла,
измеряя на глаз траекторию птичьего взлета,
даже если мне жизнь показалась —
совру, что была
только здесь, и, наверное, значила что-то.

* * *

ругаться матом чтобы отлегло
волнение горячее грудное
как этот воздух солнцем пропекло
какая тень плетется за тобою

здесь кто-то был на этом острове
реликтовом, из вечности сигналил —
завесил небо шторкой на окне
и звезды словно колышки расставил
так каждый раз — всмотреться в темноту
я не могу
по очертаньям света
глаза определяют высоту
далекого оставленного лета

* * *

Если листья летят, значит я не хочу умирать,
значит можно холодному ветру гудеть между линий,
электричка ушла и согнулась дугой — не разжать,
только грусть на лице,
и роса над землею поднимет

все, что было сухим и незримым, земля не земля,
а зеленая вязка нагнулась от тяги и влаги,
и не будет дождя,
нет, не будет дождя,
будут слезы лежать на бумаге.

Будет жить карандаш
невесомый и мягкий, парить над столом,
пока нежные окна дрожат и боятся сквозницу,
только смерть волосами спускается с белых голов,
до графитовых рук проползает по новой странице,

может, это еще ничего,
только листья взлетели,
только листья летят и качаются,
падают ниц,
как слепые слетевшие с неба качели,

я — ребенок на них.
я — сорвавшийся лист.

* * *

Если стук топора — то сухие валить для костра,
Чтобы трескались угли и жар нагоняли,
Эта звездная стая зонтов над башкою остра,
Словно стрелами небо на прочность огни проверяли.

Не опустится на воду первый сорвавшийся лист,
Только осени мы на живом пустыре и искали,
Ничего, что огонь под грудной моей клеткой скалист,
Под твоей же грудной — еще искры любви не стреляли.

Словно дождь не пошел, а завис в тишине голубой,
Так слова мои держатся в воздухе, бьются и рвутся,
Сколько нежности в этом безумии над головой
Ты смогла пропустить и легко от огня отвернуться.

* * *

Молчи и помни, сдерживай поток,
Безумный мальчик, плачущий у окон,
Где только мгла сочится в потолок
И сединой поблескивает локон.
Как будто нет и не было воды,
И ночь еще не выбита дождями,
Космическое тело немоты
Прибито наспех к облаку гвоздями.
И только слышишь, как оно сквозит,
И не уснуть, и не отгородиться,

Сверканье звезд, как спаиванье плит,
И мышья летучая, как птица.

* * *

Как страшно жить, когда ты в наготе,
в распахнутом окне под сквозняками,
и ночь рисует солнце в темноте
чернилами густыми.

Ходят сами
по комнате предметы, говорят
о завтрашнем полете, о вчерашнем
падении, и лампочки горят
над миром,

путеводными не ставши.

Мне дышится прерывно и внатяг,
чужие люди шепчутся у окон,
влюбленные над городом летят
и вьют из яблонь яблоневого кокона.
Но сколько их, летящих надо мной,
сцепившихся и спрятанных на крышах?
Любовь стучит, как будто домовой...
Я ничего не слышу.

* * *

Говорить-говорить-говорить,
по осеннему городу вместе,
натянуть эту первую тонкую нить
друг от друга идти в полуметре,
словно можно и это еще изменить.

Полустанок — воронежский шепот,
двух безумных теней перехлест,
только смех и нечаянный хохот,
и душа словно ваза для слез.

Двух себя проживать, разрываться
и спасаться — то нежен, то груб,
как способно лицо изменяться
от движения губ.

Еще листья летят,
еще шапки в карманах
и куртки без теплого меха —

мы идем, мы идем невпопад
в ожидании снега.